

# ДОСПЕХ СУДЬБЫ

Гай Хейли



*Данный материал является  
интеллектуальной собственностью telegram-канала  
Гильдии Переводчиков <https://t.me/guildwh40k>*

*При его дублировании вы обязаны  
указать источник перевода.*

*Переводчик – Антон Акимкин  
Редактор – Frau Achtung*

Доспех издавал странные звуки постоянно, но наиболее заметны они были в тишине, а самым тихим местом «Чести Макрагга» был персональный скрипториум Робаута Жиллимана.

Не существовало бесшумного силового доспеха. Даже специально адаптированный вариант космодесантников-примарис из отделений «Головорезов» издавал звук, от которого сводило зубы. Силовой доспех включает в себя: компактный реактор; пучки фибро-волокон, растягивающихся и сжимающихся в пласталевых трубках; сервоприводы в сочленениях — и всё это издаёт звуки. Так же как модуль когитатора, фармакопоя, очистительная установка, дозатор питательных веществ, система фильтрации воздуха, система вокс-связи и другие разнообразные миниатюрные устройства, являющиеся частью брони. В тишине скрипториума эти раздражающе громкие звуки проникали в сознание Робаута подобно червю, прогрызающему яблоко.

Примарх не нуждался во сне, что было кстати. Он думал, что вряд ли сможет заснуть с этим жужжанием в голове. Это при условии, что он вообще сможет лечь. Доспех стал тюрьмой, его невозможно было снять, и Жиллиман пытался решить эту проблему.

— Эта броня — работа гения, но она чертовски шумная, — раздраженно произнес Робаут.

— Милорд? — капитан Сикарий охранял Робаута в этот вечер, хотя и не обязан был этого делать. Жиллиман более чем способен постоять за себя и, кроме того, Сикарий с легкостью мог освободиться от несения караульной службы. Тем не менее, он стоял на посту у входа в дальнем конце комнаты, погруженный в свои мысли. Жиллиман сочувствовал ему. Он едва был знаком с капитаном перед тем, как тот пропал в варпе<sup>1</sup>, но было очевидно, что Сикарий сильно изменился после возвращения.

— Ерунда, — ответил Робаут. Он пытался сосредоточиться. На расположенном в нише столике, с полками вокруг, громоздились многочисленные труды по силовым доспехам Адептус Астартес. Эта часть библиотеки была кладезем знаний. Любой магос Марса ради доступа в это помещение мог бы пойти даже на убийство, но вряд ли бы Жиллиман когда-либо пустил этих фанатиков на порог.

Перед примархом на поверхности стола валялись пачки чертежей. Он заметил кое-что интересное и потянулся за одним, скрежеща зубами от издаваемых доспехом звуков.

Робаут почти дотянулся до чертежа правой рукой. Крепления «Державной Длани» на левой, даже со снятым болтером и отстегнутым верхним кожухом, мешались и почти не давали возможности поднимать предметы. Обычные ежедневные дела превращались в испытание. Закованные в броню пальцы коснулись гладкого пластика<sup>2</sup>. Керамит соскользнул с пачки, столкнув ее со стола, и листы разлетелись по полу.

— Да чтоб тебя... — пробурчал примарх, неуклюже нагибаясь, чтобы поднять чертежи. Доспех был громоздкий. Сочленения в районе поясницы мешали согнуть спину, и поэтому пришлось опуститься на колени. Он попытался собрать листы, но схватить их кончиками пальцев не удавалось - от этих действий кипы листов разлетались на полированном полу в стороны.

---

<sup>1</sup> Подробнее о похождениях капитана Сикария в варпе рассказано в книге *Knights Of Macragge*.

<sup>2</sup> Пластик (plastek) – термин, который заменяет в книгах по WH «пластик». BL объясняет сей факт некими «вопросами авторского права».

Робаут зарычал от раздражения, прекратил попытки и поднялся, поймав на себе любопытный взгляд Сикария.

— Ловкость моих рук как у боевого автомата Легио Кибернетика, — произнес Жиллиман. — Сын Императора Человечества, повелитель величайших армий Империиума и не могу поднять кусок пластика.

Примарх посмотрел на листы:

— Мои главные враги.

Ответом было выразительное молчание.

— Вы шутите, милорд? — произнес Сикарий.

Робаут посмотрел на офицера. Чтобы это сделать ему пришлось повернуться целиком. Наплечники, декоративные крылья и нимб, закрепленный на спине, не позволяли повернуть шею и посмотреть через плечо. По крайней мере, он перестал ударяться о них головой. Уже что-то.

— Трон, почему от меня постоянно ожидают серьезности? Да, капитан Сикарий, я даю понять, что попал в затруднительное положение. Я шутил время от времени даже во время худшего из Крестовых походов. Даже после падения Терры. И я не проводил всю прошлую жизнь, записывая собственные мудрые мысли в маленькие записные книжечки, но иногда позволял себе вольности. Надеюсь, это не попало в мою агиографию.

— Юмор — это не то, чем вы прославились, милорд.

— За то время, что я здесь, я уже это понял, — Жиллиман поднял правую руку и собрал пальцы в кулак. Никто не может полностью сжать ладонь в силовом доспехе. Пальцы можно сжать, чтобы нормально ударить, но пластины и крепления мешают согнуть их до конца. Когда он попытался сжать кулак со всей силы, соприкасающиеся керамитовые пластины издали такой скрежет, что у Робаута возникли опасения, что они сломались. На правой руке он мог собрать пальцы в кулак почти целиком, но на левой — с ее разъёмами питания и портами подключения — шансов не было. Это расстраивало больше всего. Даже больше, чем отсутствие возможности почесаться и принять ванну.

— Должен быть способ, — произнес примарх, разжимая пальцы.

— Позвать писарей, чтобы собрали листы, милорд?

— Я не желаю, чтобы ты их звал, — резко ответил Робаут. — Не хочу смотреть, как они прибираются за мной. Не хочу быть таким беспомощным! — он поднял руку, на которую крепился силовой кулак. — В этом доспехе я могу расколоть череп вожаку орков, но не могу поднять чашку рекаффы или взять стилус, — он печально покачал головой. — Доспех надо снять.

— Но... — произнес Сикарий, его задумчивость на мгновение сменилась озадаченностью, — Вы сказали, что умрете, если попытаетесь это сделать.

— Так мне сказала альдарская прорицательница. Ее слова не обязательно должны быть правдой. Как ты думаешь, чем я занимался здесь последние недели? — Жиллиман обвел руками кипы чертежей.

Сикарий пожал плечами. Его доспех издал тонкий звук, и Жиллиман поморщился.

— Что-то выясняете, милорд. Я не спрашиваю что именно, — Сикарий сделал паузу. — Вы довольно давно этим занимаетесь.

— У моей работы одна цель — «Доспех Судьбы». Пока он на мне, я не хозяин собственного тела. Его надо снять и я знаю как.

— Да, милорд.

— Однако я нахожусь в затруднении, — сказал Жиллиман. — Здесь описания всех систем доспеха, — примарх слегка постучал по столу. По крайней мере, это действие далось ему без труда. — Есть только один вопрос, на который я не знаю ответ, — Робаут посмотрел на сложные чертежи, которые он уже успел выучить; взгляд пробежал по линиям, словно пытаясь выхватить что-то упущенное. — Можешь идти, капитан. Не надо постоянно находиться за моим плечом. Забери остальных, когда будешь уходить. Сегодня охранять скрипториум не требуется. Хочу побыть один.

— Милорд, — Сикарий наклонил голову, подтверждая распоряжение.

— И я извиняюсь за тон, — проворчал Робаут. — Эта ситуация выводит меня из себя.

— Да, милорд, — Сикарий вышел, оставив Жиллимана наедине с доспехом и всеми невыносимыми звуками, которые тот издавал.

Дожидаясь ухода Победоносной Стражи, последний верный сын Императора неуклюжими, закованными в броню руками, как мог, привёл в порядок скрипториум. Затем он вышел и направился к своей комнате и скрытому в ней лифту.

Верховный астропат Ультрамаринов Гидус Лоценти был удивлен появлением Жиллимана на пороге тайного помещения «Машины Коула».

— Есть сообщения для Архимагоса? — спросил Лоценти.

— Нет, — резко ответил Жиллиман.

Лоценти замялся. Слепые глаза астропата поблескивали в багряном свете машины.

— Пришло новое сообщение? — беспокойно спросил Лоценти. — Архимагос выходил на контакт? Я ничего не ощущал. Я что-то упустил?

Выражение беспокойства на лице астропата привлекло внимание Жиллимана, и он поборол раздражение. Если астропат пропустил сообщение, значит, он не справляется со своей работой. Перед тем, как назначить Лоценти на эту должность, Жиллиман недвусмысленно заявил, что тот сможет покинуть эти комнаты только ногами вперёд.

— Всё в порядке. Не бойся. У меня нет ни кода, ни сообщения для отправки, но тебе надо активировать устройство. Я хочу поговорить с машиной.

Лоценти смутился.

— Хорошо. Какой шифр в таком случае я должен использовать? Тот же, что для отправки сообщения?

— Я не хочу, чтобы машина отправила этот разговор Коулу, поэтому мне все равно каким шифром ты воспользуешься. Включи её. Используй последний шифр. Или предпоследний. Только активируй устройство.

— Хорошо, повелитель, — сказал Лоценти. — Сделаю, как пожелаете, — астропат осторожно поставил посох на пол и повысил голос: — Волей Омниссии, инициировать запуск!

Жиллиман нетерпеливо ждал пока машина пройдет процедуру активации. Как только отработали протоколы безопасности, и прошла идентификация, Лоценти ввел последний присланный Коулом шифр. После этого машина перешла в рабочий режим. Двери раздвинулись. За ними были видны двадцать голов, помещенных в резервуары с питательной жидкостью, вмонтированные в стены. По электрическим схемам разливалось слабое свечение. Робаут сопротивлялся растущему психическому давлению, вызывающему слабость и усталость.

Лоценти был гораздо чувствительнее к этому эффекту. Не дожидаясь перехода устройства в рабочий режим, он поклонился и удалился, спеша укрыться за ментальными экранами своих покоев и оставив Жиллимана наедине с дискомфортом, сопровождающим процесс запуска. Головы тряслись и раскачивались. Машина стонала и шумела. Давление на разум росло. Каждая активация устройства сопровождалась своим особенным набором сенсорных иллюзий. В этот раз были яркие хаотичные световые импульсы и запах скошенной травы, сохнущей на солнце. Робаут ощущал, будто его растягивает в стороны. Будто ноги были закреплены в одной плоскости гравитации, в то время как его голова была притянута другой, расположенной под углом девяносто градусов к первой. Откуда-то доносилось детское пение.

Все закончилось как обычно, громким хлопком, прозвучавшим в сознании примарха. Головы вздрогнули и застыли неподвижно. Шум процесса активации сменился ровным маслянистым гулом.

Голос Велизария Коула прогрохотал в разреженном воздухе. Рты голов открывались в такт словам, но источник голоса не определялся.

— Приветствую, Робавт Жиллиман, последний сын Императора Человечества, Лорд Регент Империиума, — произнёс голос. Всякий раз машина приветствовала примарха по-разному. Иногда эти приветствия звучали фамильярно, в другой раз — официально, с перечислением всех титулов. Порой машина произносила сообщение и замолкала, не проронив ни слова.

— Повелитель Ультрамара, — продолжил голос Коула, — Повелитель Ультрамара Лорд-Коммандер, Мстите...

— Замолчи, — произнес Жиллиман.

Голос замолк. Его место заняли шипящие звуки работы поршней машины под полом комнаты.

— Такое распоряжение не входит в набор исполняемых команд, — сказала машина насмешливо-обиженным тоном. — Ты сообщил код. Я реагирую набором фраз, определяемых данным кодом. Вот как это работает. Подобно ключу в замке. Сначала я приветствую тебя, потом даю совет. Ты прервал процесс приветствия. Мы не можем продолжать, пока приветствие не озвучено полностью.

Жиллиман глубоко вздохнул:

— Я не желаю выслушивать наставления.

— Почему? — устройство замерло, будто раздумывая. — Ты передавал эти данные раньше. Я думал это то же самое, — лукаво произнесла машина. Реакция устройства во многом копировала поведение его создателя. — Что тебе нужно? Если нужно передать сообщ...

— Я не хочу передавать сообщение Архимагосу. На самом деле, я категорически запрещаю отправлять ему содержание этого разговора.

— Я обязан подчиняться, — сказала машина, хотя Жиллиман сомневался, что так и будет. Что-то гремело у нее внутри. Одна из голов прокричала бессмысленные слова в своем резервуаре, но затем успокоилась.



— Хочу задать вопрос. Выживу ли я, если сниму «Доспех»?

— Ответа на этот вопрос нет в моей базе.

К аппарату вернулись элементы его машинного поведения, хотя и не в такой степени, чтобы убедить Жиллимана, что он общается с устройством.

— Сильно в этом сомневаюсь, — произнес примарх.

— Неверный запрос, — сказала машина, и, немного помолчав, добавила: — Вопрос несовместим с разблокировкой кэша данных.

— Я уверен, ты понимаешь меня, Машина, — сказал Робаут.

— Конечно, понимаю.

— Тогда ответь на простой вопрос.

Устройство издало раздраженный звук.

— Ты издаешь звуки как живой человек. Вздыхаешь и бормочешь, как инструктор схолы, чей ученик не может усвоить простых вещей. Я знаю, что ты умеешь мыслить.

— Раньше, я бы мог тебя спросить, откуда ты знаешь звуки, которые издает раздраженный учитель, ибо я сомневаюсь что ты когда-либо их слышал, — ответило устройство. — Теперь я не уверен. По этой аналогии, я даю понятный ответ, но ты его не принимаешь. Все ответы, которые я могу предоставить, ограничены информацией, которую код запроса активирует в моем хранилище данных. Я не могу дать ответы, которые не содержатся в моей базе.

— Этот разговор не относится к информации из твоего хранилища данных, — отметил Жиллиман. — На самом деле, очень мало наших разговоров.

— Вы не знаете о моем сложном устройстве и гении архимагоса Велизария Коула. Наше общение вполне соответствует моим стандартным разговорным подпрограммам.

— Тем не менее, ты общаешься как человек, а не машина. Ты понимаешь, что происходит. Теперь ответь на мой вопрос! — потребовал примарх.

— Я не человек. Я не обладаю мышлением, лорд Имперский Регент, как вы уже знаете, поскольку я неоднократно вам это говорил. Разум, который как вам кажется, у меня есть — это иллюзия. Ложное впечатление наличия сознания у механизма. Если бы я был чем-то еще, кроме машины, это бы нарушало величайший запрет Культа Механикус, закрепленного в Багровых Соглашениях во время сошествия Омниссии на Марс. Ибо сказано - «Ты не должен создавать машину с разумом человека». Такое созидание доступно только одному Богу-Машине. Быть проводниками священных духов Бога-Машины к устройствам — месту их обитания — есть высшая добродетель механикусов Марса. Создавать эрзац-душу — ересь, ибо такая вещь исходит не из божественной благодати тройного бога, а из-за низменности человеческого существа.

— Если кто-либо и собирается нарушить этот запрет, то это Белизарий Коул, — произнес Жиллиман.

— Клевета. Он не будет этого делать. Мы обсуждали это раньше. Наверняка, подобный разговор также был у тебя с Коулом.

*«Об этом мы не разговаривали», — подумал Жиллиман. — «Надо будет обязательно обсудить этот момент, когда он объявится».*

— Итак, отвечаю на твой вопрос, — продолжила Машина, ибо она была такой же болтливой, как и её создатель. — Я не в состоянии дать ответ, который тебя устроит. Я просто не знаю ответов на все эти вопросы.

— Я задал один вопрос.

— Их всегда много. Один вопрос порождает множество других. Такова природа поиска знаний. Если бы был только один вопрос, человечество всегда бы находилось в состоянии благодати. Ты спрашиваешь «выживу ли я, если сниму Доспех?». Если да, следующий вопрос будет «как это можно сделать?», затем «стоит ли мне попытаться?» и так далее. Я не знаю, можешь ли ты без вреда для себя снять эту броню. Сожалею, но это всё, что я могу сказать.

— Если всё, что ты говорил раньше — правда, — устало произнёс Жиллиман, — тогда ты не можешь чувствовать сожаление.

— Не могу. Но если бы мог, то уверяю тебя, я бы чувствовал. И я не завидую твоей ситуации. Если бы, конечно, я мог чувствовать зависть.

Жиллиман поджал губы.

— Хорошо. Тогда мы закончили.

В процесс обычного сеанса связи Машина Коула выключалась сама. Но по настоянию Робаута Велизарий Коул вмонтировал выключатель, чтобы Жиллиман мог самостоятельно отключить устройство. Робаут направился к выключателю.

— Стой! — раздался голос Машины. Несмотря на утверждения о своей механической природе, казалось, что устройство наслаждается возможностью общения.

— Что такое, — произнес Жиллиман. Он уже открыл стальную дверцу панели управления и положил руку на выключатель. Закованные в броню пальцы едва помещались на нём.

— Другие могут владеть информацией, которая тебя интересует.

— Знаю. Я бы предпочел получить ответ от тебя, но, если понадобится, я обращусь к ним. До следующей встречи, машина.

— Всегда готов помочь, — ответило устройство таким ироничным тоном, что Робаут засомневался в искренности ответа.

Жиллиман щелкнул выключателем. Свет за головами погас. Мертвые рты умолкли. Двери закрылись. Психическое давление, которое постоянно ощущалось в этой комнате, ослабло.

— Лоценти, выходи.

Трёхслойная дверь в покои астропата открылась, и Лоценти появился на пороге.

— Милорд? — произнёс астропат.

— Окажи любезность. Отправь сообщение.

— Милорд. Что вы хотите передать Архимагосу? — Лоценти выпрямился. Это служило знаком, что он приготовился запомнить слова примарха и затем зашифровать их в соответствии с кодами, которые хранились в его комнате. На корабле Коула есть идентичная Машина. Так, по крайней мере, заявлял Коул.

— Тебе не понадобятся коды. Сообщение не для Коула, — сказал Жиллиман, — оно для другого адресата.

Летательный аппарат класса «Властитель» опустился на равнину, усеянную причудливыми морозными изваяниями. Перед зоной посадки возвышалась отвесная ледяная скала. От времени лёд скалы приобрел голубоватый оттенок.

Огромные облака пара вырывались из теплообменников. Морозный воздух заставлял работать систему обогрева корабля на пределе. «Властитель» за счет широкого сдвоенного корпуса превосходил сопровождающие его «Громовые ястребы», но все они казались незначительными в сравнении со скалой. Клубы испарений, окутывающие корабли Астартес, терялись в огромной неподвижной массе холодного воздуха. Газ испарялся с поверхности, растаявшей от тепла двигателей, но это продолжалось недолго. Поднимаясь выше, он остывал и, замерзая через несколько десятков метров, превращался в крупные черно-угольные хлопья, которые медленно опускались вниз в разреженном воздухе планеты. Металл потрескивал от мороза. За несколько мгновений корпуса машин покрылись инеем. Ко времени, когда открылась первая посадочная рампа, корабли полностью обледенели и покрылись коркой льда.

Первыми вышли капитан Сикарий и шесть Победоносных Стражей: трое примарисов, облачённых в скромно украшенные доспехи, и трое космодесантников, богатая отделка брони выдавала в них ветеранов с несколькими сотнями лет боевого опыта за плечами. Под ногами хрустел снег. Позолоченная окантовка брони блестела под светом безжизненного

мира. Атмосфера была настолько разрежена, что свет далекого солнца едва затмевал свет звезд. Цвет неба утром, днём и ночью был одинаково черным. Еще больше примарисов спускалось на поверхность планеты. Несмотря на то, что это были бойцы из разных подразделений, они действовали слаженно и на броне каждого был знак в виде бледно-серого шеврона. Космодесантники сформировали охранный периметр вокруг кораблей — темные силуэты на ледяном белом фоне. Стволы орудий летательных аппаратов и оружейных платформ завертелись, охватывая секторами обстрела каждый дюйм равнины и подножия утеса.

Сикарий проверил показания приборов. Он не торопился и терпеливо ждал, пока пустотный сканер и ауспик по несколько раз прозондируют местность. Только убедившись, что вокруг нет ничего, кроме льда он передал по вокс каналу сообщение Имперскому Регенту.

— В зоне высадки чисто.

Робаут Жиллиман спустился с корабля на поверхность.

— Противника нет, милорд, — сказал Сикарий. — Здесь нет ничего, кроме камней и замерзшего воздуха. Что вы ожидали найти?

— То, что я ищу, находится здесь, — ответил Жиллиман. — Место встречи, про которое мне давно рассказал один старый друг. Робаут окинул взглядом скалу, поднял «Державную Длань» и указал огромным механическим пальцем: — Тут.

Сикарий подозвал космодесантника с ауспиком.

— Ты ничего не найдешь, — сказал Жиллиман. — Дверь подо льдом. Несите мелты и начинайте плавить лед.

Примарх направился вдоль скалы. Основание утеса было необычным, складки поверхности слишком правильные, чтобы быть естественным образованием. Камней также не было. Равнина резко переходила в скалу, будто поверхность аккуратно согнули. Как только примарх вышел за последний пост охранения, группа космодесантников последовала за ним. Остальные тут же сменили позиции, и периметр вокруг кораблей снова был

восстановлен. Победоносные Стражи перешли на бег и рассредоточились впереди примарха.

Робаут остановился перед частью утеса ничем не отличавшейся от других и положил руку на поверхность. Время и воздействие атмосферы очистило лед от всех примесей. Под тёмным небом он был такого же темно-синего цвета, как и доспехи Ультрамаринов.

— Здесь, — произнес примарх. — За работу.

Вода лилась на поверхность безымянного мира возможно впервые за всю историю его существования. Мелты плавили лед, и огромные облака пара поднимались в небо. Постепенно космодесантники углублялись в толщу льда и пар, заполняя туннель, с огромной силой вырывался наружу и тут же замерзал на всем, к чему прикасался. Ближайшие к месту раскопок космодесантники были покрыты коркой инея в дюйм толщиной.

— Психокость, — раздался возглас по вокс-ком.

— Альдари? — спросил Сикарий. Жиллиман кивнул, но ничего не сказал. Спустя несколько минут воздух очистился от пара и из туннеля вышли космодесантники в заледенелых доспехах. Лед толстым слоем покрывал плоские части брони, мелкой крошкой сыпался из сочленений, таял и вновь замерзал вокруг отверстий теплообменников бронекостюма.

— Здесь туннель, милорд. Ступеньки, — космодесантники не выглядели озадаченными. В их жизни были и более удивительные зрелища, чем комплекс зданий подо льдом.

— Ауспик подает сигнал, — произнёс Сикарий. — Внутри скалы здание. И большое. Наблюдаю источники энергии и психической активности. В подобных случаях, согласно уставу, командиру полагается охрана и я готов сопровождать вас. Но я провел достаточно времени в вашем присутствии и знаю, что вы собираетесь идти один.

— Именно, — ответил Робаут. — Буду благодарен, если не станешь меня разубеждать.

— Принято. Однако я призываю вас к осторожности.

— Не стоит. Это моя самая большая оплошность.

— Я не доверяю альдари, милорд. Будьте начеку.

— В таком случае ты мудрее, чем выглядишь, капитан Сикарий, — произнес Жиллиман.

С этими словами примарх немного наклонился, чтобы не задеть низкий свод, и вошел в тоннель.

Сикарий выставил охрану вокруг входа и приказал ждать.

Волнистый лед преломлял подсветку брони, переливался бирюзовым и аквамариновым и жутковато сиял в морозном воздухе. Казалось, что цвета окутывают какие-то темные формы в глубине льда, которые пропадали, когда примарх начинал к ним присматриваться.

Расстояние до входа в подземный комплекс было порядка сотни метров. В такой массе льда обычно слышатся потрескивания и другие звуки, которые сопровождают движения ледяного покрова. Даже если бы лед был совершенно неподвижен, что вполне возможно в таком маленьком и холодном мире, раскопка тоннеля должна была привести к перераспределению нагрузки и напряжений внутри ледяной массы. Тем не менее, примарха окружала пустая зловещая тишина.

Жиллиман провел рукой вдоль стены. Холод проникал сквозь доспех и сковывал пальцы. Он наслаждался этим ощущением, которое передавалось напрямую через плоть и кровь, а не опосредованно через сенсоры доспеха. Такие ощущения для него были редкостью.

Тоннель постепенно заполнялся мягким светом, и Робаут отключил подсветку брони. Это свечение было ему знакомо — технология альдари.

Космодесантники откопали двойную дверь, сделанную из психопластика и украшенную простыми изгибами. Жар перегретой плазмы мельта-излучателей не оставил на створках никаких следов. Психопластик был бледно-костяного цвета и излучал тепло. Створки, откопанные лишь частично, высотой были с примарха, а их форма напоминала заостренную

арку. Как только примарх приблизился, створки распахнулись. За ними виднелась изящная лестница полностью свободная ото льда.

Едва Жиллиман, наклонив голову, прошел в дверь, датчик доспеха обнаружил слабое давление удерживающего атмосферного поля. Немного помедлив, Робаут отстегнул застёжки и снял шлем. Давление было в норме. В чистом воздухе чувствовались странные ароматы альдарских благовоний. Призрачное сияние подсвечивало ступени и несколько десятков статуй, расположенных в нишах вдоль лестничного пролета. Вокруг была чистота и порядок. Казалось, обитатели покинули это место несколько минут назад. Тем не менее, Жиллиман готов был биться об заклад, что альдари не появлялись здесь тысячу лет.

Хотя Робаут не знал куда идти, ноги сами несли его вперед и вскоре он достиг цели.

Хотя башня была без окон, она могла открыть много интересного внимательному взгляду. Посреди комнаты, под вздымающимся вверх конусом потолка, со скрещенными ногами парила фигура, облаченная в черный доспех. Лицо было закрыто шлемом в форме полумесяца. Вокруг фигуры переплетались в замысловатом узоре вращающиеся руны, и она была освещена столбом, непонятно откуда падающего света.

Робаут Жиллиман встретился с тем, кому он отправлял послание — одним из самых могущественных созданий этой вселенной.

— Мое почтение, Эльдрад Ультран, ясновидец альдари, — произнес Жиллиман. Примарх говорил на наречии родного мира-корабля Эльдрада — Ультве.

— Приветствую и тебя, сын Императора Человечества. Моего союзника и врага.

— Враг твоему народу я лишь изредка. И я благодарен, что ты согласился на встречу, — сказал Робаут. Комната, в которой они находились,



была богато обставлена мебелью, включая несколько кресел. Но все они слишком были слишком малы для примарха, поэтому он остался стоять.

— Чтобы вернуть тебя к жизни, с моей стороны было затрачено много усилий, — ответил Ультран отстраненно. Внимание провидца не было целиком направлено на общение с примархом. — Было бы глупо не ответить на просьбу, учитывая твое предназначение. Всем людям время от времени нужны наставления, а ты, несмотря на все мастерство твоего отца, по большей части все-таки человек.

— О каком предназначении ты говоришь?

— Это не тот вопрос, ради которого ты пришел сюда, тем не менее, я отвечу на него. Цель, которой ты должен достичь, та, что ты поставил себе сам, а именно — спасение человечества, — Ультран посмотрел вниз. — Надеюсь, для тебя не будет оскорблением, — произнес Эльдрад на имперском готике. — Я бы предпочел продолжить общение на этом языке. Ты один из немногих сынов Терры, кто может разговаривать на языке альдари. Хотя говоришь очень неплохо, но есть кое-какие особенности произношения, с которыми ты не справляешься, и это режет мне слух.

— Прошу прощения за недостаток опыта.

— Не стоит, — Ультран снова посмотрел перед собой. — Конечно, это твои ошибки, но когда-нибудь ты их исправишь. Хотя, по правде говоря, никто из вашего вида, каким бы способным он ни был, не сможет владеть нашим языком в совершенстве.

Провидец взял одну из вращающихся вокруг него рун, внимательно рассмотрел ее и вернул на место. Шелест его одеяний громко прозвучал в извечной тишине башни.

— Я ощущаю, что тебе дискомфортно в этом времени, — сказал Ультран. Его готик звучал с акцентом, придающим языку особенную красоту. — Я понимаю твое беспокойство. На твоих плечах лежит огромная ноша, почти такая же тяжелая как моя. Мы оба были свидетелями того, как все, что было нам дорого, уничтожено из-за глупости и безрассудства. Мы

испытываем боль, видя страдания, пришедшие на их место. Ты и я — родственные души, в каком-то смысле. Спрашивай. Я окажу любезность и отвечу на твой вопрос, в знак признания наших общих скорбей.

— Ты уже знаешь, что я хочу спросить.

— В любом случае ты должен задать вопрос, — сказал Эльдрад.

Жиллиман посмотрел по сторонам, оглядывая безупречно сохранившуюся комнату, в которой он находился. Он задумался о тех, кто жил здесь, и о том, жил ли здесь кто-либо вообще. Альдари были загадочными существами и, несмотря на физическое сходство с людьми, совершенно чуждыми им по образу мыслей.

— Последние несколько месяцев я изучал бронекостюм, который я ношу и который не снимался с тех пор, как я был облачен в него много лет назад, — произнес примарх. — В целом, мне понятно как он работает и какие функции выполняет. Прорицательница Иврейн предупреждала, чтобы я никогда не снимал доспех, но я должен. Чего я не знаю, так это выживу ли я после этого.

— В тебе говорит не твоя знаменитая осторожность, а безрассудство. Не снимай его, если опасаясь.

— Не то, чтобы я опасаясь. Мне не хватает информации, чтобы разумно оценить риски. Конечно, присутствует и личный мотив. У меня нет желания снова умирать, но я могу учесть этот момент при расчете вероятности смерти.

— Проблема в том, что понимая физические принципы работы доспеха, ты не можешь оценить один важный элемент. Духовную составляющую его работы.

— Я не верю, что такая составляющая есть, — прямо заявил Жиллиман.

Эльдрад Ультран сухо усмехнулся:

— Как трудно должно быть для тебя, просвещенного сына Императора, судить обо всем этом. Доспех поддерживает твою душу. Когда твой падший

брат ранил тебя, порез прошел сквозь плоть и задел твою бессмертную сущностью. Эта рана никогда не заживет.

— Ты прав, я ощущаю пустоту внутри, — сказал Робаут.

— Это повреждение твоей сущности.

— Пусть так, но ты не ответил на вопрос. Я выживу?

— Вопрос неверен. Дело не в том выживешь ли ты, а в том способен ли ты выжить? — Эльдрад поднял руку и указал на окружающие его руны. — С помощью них я могу оценивать грядущие события. Эти руны представляют тебя. Как ты видишь их довольно много и взаимодействие очень запутанно. Даже мне тяжело разобраться. Даже если я перейду в варп, где могу напрямую видеть ветвления возможных событий твое будущее сложно проследить. Снятие *Доспеха Судьбы* грозит тебе не только смертью, но и полным уничтожением. Даже если ты не умрешь, последствия окажутся для тебя очень неприятными. Горе и печаль присутствуют в каждой вероятности твоего будущего, Робаут Жиллиман. Снимешь доспех и пустота, которую ты ощущаешь внутри, станет огромной и никогда не сможет заполниться.

— Печали и горести я смогу перенести. Их было в моей жизни больше, чем у кого-либо еще. Немногим больше, что с того?

— Ты не знаешь о моих страданиях, — сказал Эльдрад и снова посмотрел на примарха. Когда голова провидца сдвинулась, Жиллиман вдруг понял, что сквозь шлем альдари просвечивает потолок. Ультран исчезал. Он должен получить ответ как можно быстрее или не получить его вовсе.

— А ты не можешь знать о моих, несмотря на все свои мистические таланты.

— Это верно, — произнес провидец. — Снимай доспех, если желаешь, но будут последствия. Их степень зависит только от тебя и будет результатом силы твоей воли и духа. Уничтожение, смерть или просто печаль. Ответить тебе я не в силах. Мой ответ ничем не лучше ответа коуловской марионетки. На этот вопрос ты можешь ответить только сам и увидеть результат, только сняв доспех.

— Значит, я не умру, — твердо заявил Жиллиман.

Эльдрад кивнул:

— Все зависит от тебя.

Провидец с рунами постепенно исчезал из виду, становился призраком в лучах солнечного света.

— Есть еще кое-что, о чем ты не сказал.

— Что же это? — спросил Жиллиман.

— Ты хочешь быть свободным от влияния моего народа, — произнес Эльдрад. Его голос стихал, по мере того как исчезал сам провидец. — Ты воспринимаешь доспех как тюремщика, который удерживает тебя в заложниках наших прихотей. Так знай же — судьбы альдари и человечества неразрывно связаны. Либо мы вместе выживем, либо погибнем. Ваш император это понимает. Есть враги гораздо страшнее Хаоса. Со временем ты узнаешь. Борьба только начинается. Древняя война возвращается, — Ультран становился силуэтом, тенью. — Запомни наш разговор и тщательно обдумай.

Эльдрад Ультран исчез.

Жиллиман покинул безжизненный комплекс.

Робаут решил, что снимать доспех лучше всего в оружейной. Назначенный день вскоре настал, момент наступил, прежде чем примарх смог это осознать.

Четыре высокопоставленных адепта Механикус вместе с представителями Официо Медика, апотекариями Ультрамаринов и множеством сервиторов ждали его команды. За исключением большой вертикально-закрепленной оружейной рамы под рост примарха, комната больше напоминала операционную, чем оружейную; всюду было медицинское оборудование, в воздухе витал колючий запах контрсептиков<sup>3</sup>.

---

<sup>3</sup> Антисептическая и болеутоляющая жидкость для борьбы с инфекцией.

Значительную часть помещения занимал операционный стол размером с примарха, над которым парил в готовности многорукий хирург.

Все молчали. В дверях показался Жиллиман. Взвешивая в последний раз свое решение, он посмотрел назад в зал, который был оружейным музеем. В Большом Зале Вооружений было темно. Доспехи из коллекции виднелись как темные силуэты; неподвижные простые устройства не несущие никакой опасности в отличие от брони, в которую он был облачен.

За время своего пребывания Красные Корсары наиболее сильно повредили именно эту часть корабля. Робаут вспомнил, как он поднялся на борт, опечаленный увиденными повреждениями, и, как постепенно успокаивался, восстанавливая музей.

Переведя взгляд обратно на ожидающий его операционный стол, примарх подумал, не рискует ли он подобным образом нанести вред Империи, приняв такое решение.

Что если он умрет?

*«Я не позволю никому собой управлять»*, — твердо решил Робаут. Он подошел к раме и сжал подлокотники с такой силой, что металл застонал.

— Поехали, — произнес примарх.

Сервитор поднял кибернетическую конечность с вращающимся инструментом. Наконечник плавно зацепился за блокирующий болт на поноже.

Когда сервитор извлек болт, Жиллиман стиснул зубы. Он вновь становился хозяином своей судьбы.